

— Отпусти.

Холодный, чистый голос был слегка омрачен болезненной слабостью; низкий и хриплый, он до малейшей детали источал пугающий холод.

Хуан Мао беспричинно испугался, его рука на мгновение ослабла.

Но он быстро пришел в себя: позади ведь наблюдали двое младших. Как он мог спасовать перед каким-то тощим, словно бумажный лист, подростком?

Его шея покраснела, пальцы с новой силой впились в ткань, с ожесточением дернув ее наружу.

— Ого, а ты мастер попугать? — Хуан Мао выдавил из себя презрительную усмешку. — За сколько эту школьную форму купил?

Бамбуковая Жердь тут же поддакнул сзади:

— Братух, те именитые молодые господа из Сент-Эндрю — Цзи Хуайчжоу, Лу Циюань, Шэнь Тинлань — кто из них не носит брендовые вещи и часы? Погляди на него: форма отстирана добела, а на обуви с той парой даже бирки нет.

Картошка прищурился, уставившись на школьный значок на груди Бай Ци:

— Эта штукovina часом не с барахолки? Чего это она на настоящую не похожа?

Чем больше слушал Хуан Мао, тем больше уверенности чувствовал. Уголки его рта расползлись до ушей:

— Слышал? Мои братья разбираются лучше тебя. Нацепил поддельную форму и решил сойти за богача? За дурака меня держишь?

Он протянул руку, намереваясь схватить Бай Ци за подбородок:

— Ну-ка, покажись, что за рожа?

Бай Ци отклонился в сторону и увернулся.

Рука Хуан Мао рассекла воздух, но вторая тут же ухватила его за воротник.

— Все уворачиваешься? — Хуан Мао усилил хватку, продолжая насмехаться. — Дай-ка отцу

взглянуть, до чего же у тебя стыдная физиономия.

Хрсь.

Нитки на вороте школьной формы лопнули, распоровшись и обнажив снизу полоску тонких белых ключиц.

Хуан Мао на мгновение замер, а затем расхохотался:

— Эта дрянная форма рвется от любого потяга, и ты еще, мать твою, из Сент-Эндрю?

Он ухватился за образовавшийся разрез и дернул еще сильнее, ткань издала тихий звук разрыва.

Бамбуковая Жердь захихикал сзади:

— Братух, глянь на него: бедный настолько, что даже приличную шмотку купить не нажиил, а туда же — в господ играет.

Картошка поддержал издевки:

— Точно-точно, разве настоящий господин станет носить такое рваньё, которое разваливается от одного рывка?

Бай Ци опустил взгляд на разошедшийся шов.

Он медленно поднялся. Сбившийся набок воротник распахнулся, обнажая хрупкие и бледные ключицы, отчего он казался совершенно беззащитным.

— Хочешь посмотреть?

Улыбка застряла в горле Хуан Мао. Голос был тихим, но по спине парня почему-то пробежала волна холода.

Бай Ци повернулся.

Тусклый свет в лавке упал на его лицо. Короткие прядки были аккуратно сострижены, полностью открывая это лицо перед всеми.

Брови и глаза были невероятно хороши, уголки глаз слегка вздернуты, а светло-карие зрачки

под светом напоминали растопленный янтарь.

Высокая переносица, бледные губы, кожа донельзя прозрачная и белая, излучающая едва заметное сияние, словно фарфор.

Вот только эти глаза в данный момент казались холодными до предельной точки, напоминая запечатанный в янтаре клинок.

На шее остался бледный красный след от недавнего удушения воротником, который выглядел особенно режущим глаз на той почти прозрачной коже.

Будучи тем самым человеком, которого обижают, он стоял там так, что абсолютно каждый чувствовал: беду натворил он сам.

Хуан Мао замер, Бамбуковая Жердь разинул рот, застрявшие на языке насмешки заглотились обратно, а Картошка даже отступил на полшага.

Только что они видели лишь его фигуру в профиль — худенькую и мелкую.

Кто бы мог подумать, что под волосами скрывается такое лицо — чертовски красивое, не похожее на человеческое, но при этом столь холодное, что к нему не смели приближаться.

Оторванный воротник, отстраненный и безжалостный цвет делали его похожим вовсе не на жертв буллинга, а на человека, который проявлял некое намеренное попустительство: я позволил тебе дернуть, вот ты и смог.

Кто бы мог подумать, что под волосами скрывается такое лицо — чертовски красивое, не похожее на человеческое, но при этом столь холодное, что к нему не смели приближаться.

— Насмотрелся? — Бай Ци склонил голову набок.

— Т-ты... — язык Хуан Мао слегка заплетался.

Бай Ци сунул руку в карман школьной формы.

В голове Хуан Мао зазвенели тревожные звоночки: решив, что тот действительно собирается что-то достать, он первой мыслью счел студенческий билет. Студенческий билет Сент-Эндрю он как-то видел издали — золотое тиснение, защитный знак, меняющий цвет на свету. А что, если этот парень и впрямь вытащит студенческий?

Рука Бай Ци вынырнула из кармана, и на ее кончиках зажалась конфета.

Фруктовая леденец, прозрачная обертка, розовый клубничный вкус.

Хуан Мао остолбенел. Только что в его голове пронеслись горы вещей: студенческий билет, банковская карта или даже какая-то мелочь для самообороны.

Он никак не ожидал встретить клубничную конфету.

Бамбуковая Жердь и маленький Картошка переглянулись.

— Ах ты ж... — сообразив, что его держат за дурака, Хуан Мао побагровел. — Ты издеваешься надо мной?

Бай Ци развернул леденец и закинул в рот.

— Угу, — произнес он.

Хуан Мао мгновенно взбесился и выпалил удар кулаком.

— Ты, мать твою, жить надоело!

Дзинь! Фильтр свирепой ауры улучшен до максимального уровня свирепой ауры, добавлены временные баффы: мгновенное уклонение и усиление силы.

Голос Сяо Ци напомнил:

— Бай-Бай, поаккуратнее! Пульс этого тела уже подскочил.

Бай Ци качнул головой, кулак просвистел у самого кончика уха, рассекая воздух.

Хуан Мао вложил в удар слишком много сил и по инерции подался вперед. Не успел он выровнять равновесие, как Бай Ци перешел в наступление.

От трехсот лет совершенствования из-за небесной кары осталась лишь труха, но вбитые в самую душу инстинкты никуда не делись.

Ноги, казалось бы, готовые сломаться от малейшего сгиба, в момент толчка от земли высвободили мощь, совершенно не свойственную этому болезненному телу.

Хуан Мао даже не сообразил, что произошло. Он лишь заметил, как этот подросток исчез со своего места, а в следующее мгновение внутреннюю сторону его колена со страшной силой

пинули.

Заяц лягает орла.

Колено Хуан Мао подогнулось, и он с глухим грохотом шмякнулся на колени о керамическую плитку; от резкой боли из глаз брызнули слезы.

Мозг еще не успел осознать боль, как чья-то рука уже вцепилась ему в горло. Тонкая, белая, с четко очерченными суставами рука казалась хрупкой на вид, но в этот момент сжалась железными тисками, припечатав его тело к полу.

Привставнув на одно колено, Бай Ци придавил его грудную клетку, глядя сверху вниз глазами, покрасневшими до такой степени, будто янтарь пропитался кровью, отчего по спине пробежал холодок.

Хуан Мао затрясся всем телом. Бамбуковая Жердь и Картошка наконец опомнились: один схватил стоявшую рядом метку, второй замахнулся валявшейся на полу табуреткой и бросились вперед.

В момент удара метлой Бай Ци ловко увернулся. Метла пролетела мимо его уха и врезалась в пустоту, а Бамбуковый Шест по инерции качнулся вперед.

Бай Ци взмахнул рукой, соединив указательный и средний пальцы, и щелкнул ими прямо по коленной чашечке противника.

Бамбуковая Жердь с криком рухнул на колени. Рука Картошки, поднимавшего табуретку, задрожала.

Он увидел, как Бай Ци повернул голову в его сторону: в тех пугающе красных глазах не было ни единой эмоции, взгляд был пугающе спокойным, словно он смотрел на неодушевленный предмет.

Картошка швырнул табурет и сам рухнул на колени:

— Б-большой брат, пощади!

— Бай-Бай! — голос Сяо Ци взорвался в его голове. — Слишком частый пульс! Усиление силы продержится от силы секунд тридцать! Не геройствуй!

Он опустил взгляд на прижатого коленом Хуан Мао.

Лицо Хуан Мао стало багрово-печеночным, рука на его горле перекрывала кислород.

— Школьный значок, — произнес Бай Ци.

Хуан Мао отчаянно замигал.

— Настоящий.

— Еще хочешь посмотреть студенческий билет?

Хуан Мао яростно замотал головой, сопли и слезы размазались по всему лицу.

Бай Ци разжал руку и поднялся с него.

Стоило ему выпрямиться, как в глазах на мгновение потемнело. Он развернулся и сел обратно в парикмахерское кресло, спина утонула в потрепанной обивке, а нога закинулась на ногу.

— Бай-Бай, время действия усиления силы истекло, эффект автоматически снят, — услужливо и четко доложил Сяо Ци. — Но фильтр свирепой ауры остался на месте, аура на высоте, осанка не пошатнута. Стоит тебе так усесться — противник по-прежнему видит в тебе главного босса, никто и не сунется.

Бай Ци скрестил руки на груди, слегка приподнял подбородок и равнодушно окинул их взглядом.

В груди все еще глухо стучало, кончики пальцев подрагивали, но он не шевелился. Бай Ци, не спеша и не нервничая, ждал ответного хода противника.

Хуан Мао поднялся с пола, держась за горло и долго лоя воздух, прежде чем прийти в себя. Он оттолкнул Бамбуковую Жердь и Картошку, которые пытались подхватить его с обеих сторон.

Он поднял голову и увидел, что Бай Ци сидит в кресле, закинув ногу на ногу, скрестив руки, слегка приподняв подбородок и с абсолютно пустым выражением лица.

Словно это не он три секунды назад впечатал троих человек в пол.

Огонь в животе Хуан Мао вспыхнул с новой силой: колени до сих пор ныли, а красный след на шее горел огнем.

Хуан Мао не мог проглотить эту обиду и смириться с тем, чтобы вот так бесславно сбежать.

Отодвинувшись на безопасное расстояние, он глубоко вздохнул и заорал во весь голос:

— Думаешь, на этом все?!

Бай Ци ничего не ответил, лишь безмятежно глядя на него.

— Говорю тебе, меня зовут Хуан Мао! Спроси на этой улице в Старом городе, у кого из тех, кто со мной связался, была хорошая концовка!

Бамбуковая Жердь тут же подхватил:

— Верно! Братух Мао пять лет вертится на этой улице, можешь у любого встречного спросить!

— Жди здесь! — Хуан Мао вытащил из кармана телефон. — Я звоню своему главарю. Дядюшка Ци из Старого города, слышал? Если не слышал, успеешь навести справки прямо сейчас. Когда он прибудет, посмотрим, как ты будешь тут восседать!

Бай Ци сменил ногу, закинув ее по-другому, выудил из кармана апельсиновый леденец, развернул и забросил в рот.

— А, не знаю.

<http://bllate.org/book/19484/1909942>